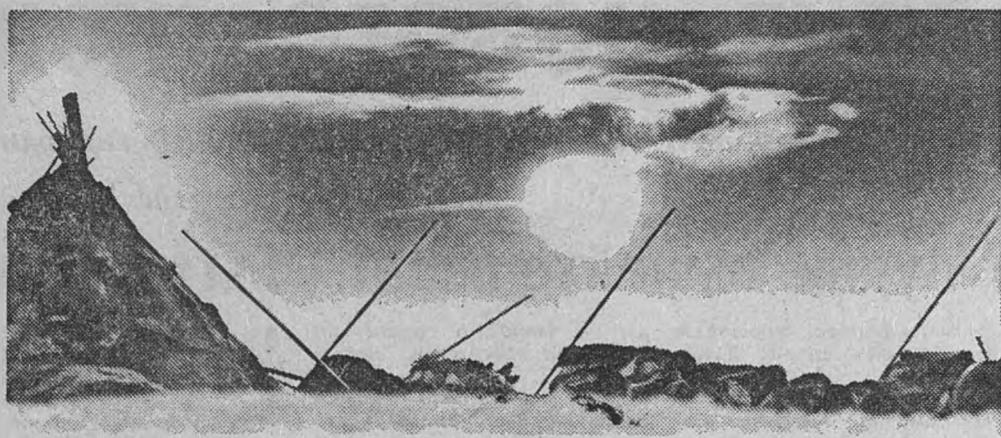

Кола Бельды женился на Оле

Небольшая провинциальная сенсация. Кто-то засек во второразрядном ресторане, что Кола Бельды скромно женился на местной девушке. И, кажется, остался жить в Хабаровске.

Имя артиста, который когда-то замечательно спел «А олени — лучше», никогда не связывалось с народом нанай. И даже в бывшие всенародные праздники, когда скрупулезно и вдохновенно перечислялись представители малых народностей края, выбывшие в большие люди, чтобы наглядно показать, как много значит Советская власть, Кола Бельды не называли. А родом-то он, оказывается, с Амуром, из небольшого сельца Муха — ударение на последнем слоге. Там, кажется, сейчас склад леспромхоза, заправка для тракторов и один сторож. Некому помнить. Так и оказался знаменитый человек нанайским. Был впоследствии он в каком-то интернате, но оттуда сбежал. А потом подобрали его военные моряки, он с ними стал плавать и взросль.

Вообще его жизнь идеально подходит для сюжета мелодрамы. Человек-никто добивался чрезвычайного успеха, по-русски — «из грязи да в князя». Все сам. Работал слесарем — кончил консерваторию. Талант плюс дикая работоспособность, плюс удача. Удачей было то, что подошел к нему однажды пожилой человек. Тогда он еще был Николаем, молодым лауреатом всяческих конкурсов. Он исполнил русские народные и

неapolитанские песни, повторяя репертуар Георгия Отса. А человек сказал: «Ты, Коля, человек оригинальный; тебе надо петь о Севере». Это был Михаил Светлов. Он спел его с композитором Табачниковым, который как раз написал музыку к спектаклю, где пел какой-то абориген. «И трамвай — хорошо, и метро — хорошо»...

На том, давнем новогоднем балу в Лужниках, который транслировался по телевидению, первый раз прозвучало «А олени — лучше», молодая красавица Анна Шилова, ведущая концерта, тогда и назвала его экзотично Колой. Зал визжал от восторга, на следующий день Кола Бельды стал известным. «Мне умные, хорошие люди помогли», — объяснял Николай Иванович. Да, наверное, и умные, и хорошие, иначе просто не было бы этих песен. Но что-то в них царапает душу, или слов-

но идешь по ровной дороге, да вдруг неизвестно почему споткнешься. Ксюда я сказал, что эти песни похожи на милый незлобивый анекдот про нанайцев, а впрочем, не про нанайцев, а вообще про какой-то неопределенный северный народ, он немного обиделся и с ударением сказал: «Это просто советские песни».

Будучи уже знаменитым, он решил дать благотворительный концерт в Хабаровском крае, на его выступление нанайцы не пришли. Это как кошмар во сне, осознать вдруг, что свой собственный народ его не любит и не признает. Почему? — спрашивала я Николая Ивановича, надеясь, что по-своему он это как-то объяснит. «Не знаю! — говорил он. — Ну не знаю!» Когда он появился в Хабаровске, на улицах его останавливали люди, некоторые даже звали немедленно пойти

выпить, нанайцы не подходили никогда.

Кола Бельды никогда не забывал, как живет его народ, да разве речь только о нанай. А ительмены, юкагиры, эвенки и эвенки? Он собираял оставшиеся крохи их северного фольклора, а на сцене исполнял его с представителями южных народов. Впрочем, подмены никто не замечал. Его охотно включали в программы великосветских концертов: четыре русских, три украинца, грузин и Кола Бельды для полного набора — сибиряческий образ всех северных и малых народностей. Почти вымирающих, но таких веселых.

Я пишу о Николае Ивановиче с какой-то печалью. Так получается, хотя речь о счастливом человеке. Он очень энергичный, смешливый, и юмор его спасает, если разговор заходит о тяжелом. И постоянно я ему задаю вопрос:

ну зачем он все-таки приехал в Хабаровск? В центре Москвы брошина шикарная квартира, связи, знакомства, в каком-то смысле поставлен крест на славе. Николай Иванович честно признается, что три года назад влюбился без памяти. Ему уж давно говорили, что некорочно жить одиноким вдовцом. И случайно познакомили с Олей Бельды — однодомицей и землячкой.

О любви в наше время надо говорить осторожно, осеняется она в обществе не вдохновленным «все возрасты покорны», а скорее «гив ми, гив ми, лав». Это, наверное, был самый романтический современный роман, когда популярный артист, не сняв грима, сразу после концерта мчался в аэропорт и летел на другой конец страны, в знаменитый Комсомольск-на-Амуре или вдруг сваливался из Голландии, когда о своем прибытии сообщал шифром, поскольку родители Оли были против серьезных намерений из-за разницы в возрасте, когда та рыдала и говорила: «Все равно буду любить», — и когда, наконец, они решили отменить свадьбу, а в доме поблизости у них уже была крошка девочка, и Оля убегала ее кормить. А потом уже все сложилось само собой: и мечты, и планы, и желания.

К намерениям Кола Бельды быть полезным своему народу в Хабаровске отнеслись без энтузиазма. Инструмент отдела народов Севера, когда я интересовалась, где найти певца, вяло нудил: «Не знаю,

вроде забегал, и что хочет — тоже не знаю».

Самое страшное, что его окончательно добило по возвращении на родину, было то, что выделенную властями для нанайцев рыбу ловили русские. Если нанай разучился для себя даже рыбачить, то впереди у него только смерть. Плохонькие деревни с казенными домами, неизбежный интернат для детей, грязь, пьянство, туберкулез, пустота в душе народа. От своего берега отились, к другому, цивилизованному, не пристали, болтаются где-то посередине, только и остается пересчитывать, сколько же их осталось? «Хочу поставить в селах малые заводы по переработке рыбы, лесогильные хозяйства», — говорил Кола Бельды. «А будут ли на них работать?» — спрашивала я. Он тускнел. Судьба народа уже не обратима? Мы сразу пугаемся этой мысли, уж больно она страшна. Тогда Кола Бельды словно страживает ее: «Тогда я буду заниматься утопией, помогать даже если не поможет, в конце концов доставать лекарства, продовольствие, одежду».

«Меня многие все равно не поймут», — рассуждал Кола Бельды. — Живешь, и все вроде у тебя есть, а все равно ты одинок. И как блах, вдруг приходит в голову: поесть той еды, которую ест твой народ, поговорить на родном языке, просто посмотреть на подобных себе. А говорят, но-стальгия только за границей...»

Г. МИРОНОВА.
Фото С. КУЗНЕЦОВА.